

Емельян
МАРКОВ

СТИХИ
ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ

1

Твои стихи как будто бы глазами
Я фокусирую, чтоб видеть чётче,
Хотя они, как титла над азами,
Отчётливы, как постук чётков.

И я гляжу сквозь марево над садом,
Над розами, что вечно густо-алы;
Потом устану, на скамейку сяду
И буду думать, что мечта настала.

Что все предметы, раздвоившись, снова
Вошли в свои прекрасные пределы,
Что жизни достоверная основа
Для общего, как есть, пригодна дела.

2

АЛЕКСАНДРОВ

О. и М.

Пугает в Александрове корова,
Осиные монашья кружева,
Заупокойное значение узора
И та, что в озаренье, – не-жена.

Бежать, бежать – как облаком с картины.
Здесь Грозный изощрял впотьмах пиры.
Округа в сохлых брызгах яркой тины
И куполов планетные шары.

Я уезжаю, ты же остаёшься,
Столбом стоишь вся в золотой пыли
Бесстрашно, но и осторожно,
Чтоб свет твои уста не затопил.

Мы эту высь друг другу подтвердили,
Она в медузовых горгонится зрачках.
И на потом друг другу повредили
Изъяном пахотным в распахнутых речах.

• **Емельян Марков** – российский писатель, поэт, драматург, литературовед. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза писателей России. Член Русского ПЕН-Центра. Лауреат Царскосельской художественной премии (2007).

Нельзя простить того, что вне закона,
Что невозможно разгадать в упор;
Но вывел нас из общего загона
Наш полюбовный беспощадный спор.

3

ВОРОНЕЖ

Мне соответствует тревога,
Тебе-то ужас ближе был.
Ты шёл от чёрного порога
И зимним вздохом ворожил.
И летом – зимним; лось сохатый,
Волк серый, кумушка лиса.
Хватала сказка, как ухватом,
Тебя, и витязем ты стал.
Тем витязем, который мимо
Пустил стрелу в другую цель.
В предсмертной стройной пантомиме
Свод басен тех остался цел.
Свод басен... Как ещё назвать их?
Они, как яхонты, горят
Над шаром, над простором ваты,
Над золотым теплом ягнят.
Мне остается лишь ругаться –
Ведь для любви такой нет слов:
Волк серый, заяц, тур рогатый,
Смарагды полуночных сов...
Из сказок выкованы были,
Звенел за далью молоток.
Ты был, вы оба рядом были,
Вы близко были на глоток.
Вы почву слышали согласно,
Вы слышали её на нюх.
Горело ясно, не погасло,
Звенело, истончая слух.
Андрей, Платон, Ляксей и Осип,
Понурились те мужики.
От мамонта остался остов,
О нём не плачьте, мездряки!
В Воронеже не про Воронеж,
Про соли пуд ты промолчал.
Воронеж ты не проворонишь...
Не проворонил, промычал...
Домов горчит горчиный бархат,
Нежны побеги горожан,

В грибы засушенные Баха
Ты их на ощупь наряжал.
Не строил здесь дворца Баженов,
Но здесь стоит его дворец,
Из летнего жерла блаженно
Пьёт квас классический торец.
Реки тускнеет амальгама,
Не ищет нового лица.
Весь город не пройти ногами,
Как по созвездию Стрельца.
Весь город не пройти ногами,
В конце пути Владивосток.
Кто Дант, кто замолчавший Гамлет...
И тень Воронежа меж строк.

4

Притухшие огни. Так сигарета
Мерцает в непроснувшейся руке.
Курильщик ждал скорейшего ареста,
И пепел пробивался на щеке.

Он был готов, заранее обуглен
Для гулких заметей степной пурги,
Как сруб, стал по венцам зауглен,
Заранее стал точен и пуглив.

Но то не страх – звериная пугливость:
Не знает страха зверь, не знает дверь.
Чтоб жито снега сеялось-пылилось,
Глаза прикроет он, как старовер.

Щенок так веки прикрывает,
Когда вкушает волчье молоко,
И губы серые потом кровавит
Сырое лакомство надорванных мокрот.

Тогда – уже не здесь, уже поодаль,
За несказанной далью красоты –
Рождается классическая ода
Из слов, понятных зверю, как цветы.

5

Все сутки фонари горят
Над голубым, как тело, снегом,
Он выдал норму на-гора,
Потом её превысил с верхом.

Забило войско в землю шаг,
Как в доску гвоздь: светло и крепко.
Летит из Оренбурга шаль
И хвою обвивает цепко.

Восход пустил Владивосток
Как снегиря промежду веток,
Так между затемнённых строк
Прорезалась полоска света.

Они от снега тяжелы.
Чу! Падает его охапка.
В жилых местах и нежилых
Метельная по Сеньке шапка.

6

Вторая Речка не черна,
Хоть угольком начинена.
И поминается меж строк
Сквозящий град Владивосток.

Чуть не дошли сюда столбцы,
Не дозвучали бубенцы.
Режь, но, отмерив, не карай
Ржаной земельный каравай.

Свобода выстоит в толпе
По холодку, а не в тепле.
Не послужив другим богам,
Ты упадёшь к её ногам.

7

Мы

И только красные огни
От прочих в темноте остались.
Вся темнота – на ход ноги,
Пиши слова: «Они устали».
Пиши, чтоб посинела кровь,
Перебродив, как сок, в чернила.
Молчание ягнят, коров...
Молчание мы учинили.
Запало «мы» за горизонт,
Шаг космонавта провалился.
Воды густеющий озноб,
Как клейстер, еле-еле лился.

Мечтал об этом Берлиоз,
Распевы обращая в камень.
Но издавна так повелось –
Чтоб гоголя писать ногами.
Пригубил марку Мандельштам
И к райскому письму приладил;
Поставил чёрной кровью штамп
Злой почтальон на память ада.
Он встал тогда не с той ноги,
Обжёгши красным чаем губы.
Пакет шёл в сторону тайги,
Минюя сахарные срубы.
Так превратился в слово «мы».
Оно взошло над океаном.
До пересыльной до тюрьмы
Оно ползло сюда от Камы.
Вот земляной могильный куб,
Его предугадал Малевич,
В нём закололо, как в боку,
Алмазной крошкой в чёрном теле.

8

Он вернулся в синем костюме,
Молодой и с улыбкой как снег.
Плыл он долго под звёздами в трюме,
Как в колодце. Сигналил кларнет

Корабля, и земля под ногами,
Словно палуба, шла поперёк.
Елись хлеба последние граммы,
Каждый грамм как горячий пирог.

Минул век, и он всё же вернулся.
Входит так лишь хозяин, не гость.
Но не слышно позёмного хруста –
Не скрипит планетарная ось.

9

Темно, но блещет пир в глазах,
Идёшь восторженно к чертогу.
Оттуда слышишь голоса.
Как подволакивал бы тогу,
Так подволакиваешь ногу.

Она болит. Был труден путь,
И кажется, что мгла сплошная.
Но пробивает выход ртуть.
Идешь, хоть плох, но не плошая.
Ткань изнасилась плащевая.

Вперёд, вперёд. Пусть всё равно,
Куда ступить, – везде болото.
Марина, Осип, Сирано –
У них у всех одна забота.
У Лазаря одна суббота.